

Ефим Захаров Поганки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17855179

Ногинск; 2016

ISBN 978-5-85689-111-8

Аннотация

Действия повести «Поганки» происходят в августе – сентябре 2015 года в маленьком крымском сельском райцентре – курортном Азовске, где все и обо всех знают. Именно в этом небольшом крымском городке на Азовском море обнаружен труп женщины, следы на теле которой ведут в Красноярск, где не так давно случилась череда одинаковых убийств, совершенных таким же способом. Преступник вроде бы найден и дело закрыто, но... Следователь красноярского краевого управления Следственного комитета Николай Николаевич Одинцов, узнав об этом, приезжает в Крым, где сталкивается не только с проблемой поиска маньяка, но и с особенностями жизни на уже российском полуострове. Николай Николаевич погружившись в расследование дела об убийствах, одновременно вмешивается и в местные «разборки». Однако, убийства продолжают...

Что же общего между сибирскими и крымскими преступлениями? Найдет ли следователь Одинцов маньяка, и какой ценой?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвёртая	14
Глава пятая	17
Глава шестая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ефим Захаров

Поганки

Все персонажи вымышлены, а события нереальны. Любые совпадения дат, имён, мест и обстоятельств случайны и ничего общего с реальными людьми и фактами не имеют.

Глава первая

Крым встретил его жарой. После приземления, когда самолёт долго выруливал по взлетной полосе и подъездным дорожкам к терминалу, ещё оставаясь пристёгнутым в большом удобном кресле, он услышал, как пилот объявил о прибытии в пункт назначения и добавил, что в Симферополе прекрасная солнечная погода и плюс тридцать пять. Он вышел на трап первым и на мгновение потерял контроль над собой, волна жаркого густого воздуха и яркий солнечный свет одновременно ударили по нему, неподготовленному к югу, словно отработанная «двоячка» от боксёра – тяжеловеса, но он сумел сохранить равновесие, глубоко вздохнул и стал спускаться по неудобным большим ступеням. Рубашка под пиджаком мгновенно стала мокрой, а на лбу обильно выступили капельки пота, делая курчавые и пока ещё тёмные волосы влажными и сальными.

Родившийся в тех краях России – матушки, где зима длинная и мрачная, весна холодная, а лето, хоть и тёплое, но очень короткое, где первый и последний звонок в школе частенько сопровождалось снежком и лёгким морозцем, он не любил жару. Десяти дней, проведенных с женой и сыном раз в год где –нибудь в Тайланде или Египте, вполне хватало, и он с удовольствием возвращался в своё холодное Зауралье.

Ему шёл сорок четвёртый год, и в Крыму он ни разу не был. Детство выдалось не из лёгких, родители не имели возможности отправлять его в пионерские лагеря, а когда он вырос, обзавёлся собственной семьёй и стал сам зарабатывать деньги, позволяющие отдыхать у моря, то выбирался в основном за границу, да и друзья не советовали ехать в Крым. «Ты там не отдохнешь. Нечего там делать», – говорили они, объехавшие полмира, – «Вот собрался во Вьетнам и едь туда. Лучше будет». В конце концов, до Вьетнама добираться проще.

Салон микроавтобуса, поданного для пассажиров бизнес – класса, коих, кроме него, набралось ещё троё, все мужчины примерно его возраста, с кожаными кейсами в руках и дорогими часами на запястьях, приятно дыхнул в лицо охлаждённым воздухом, кондиционер в автомобиле работал на полную. У одного из попутчиков часы были на левой руке, а у двух других на правой. Как у Президента, прям таки, – сказал он про себя, профессионально подмечая подобные мелочи. Носить часы на правой руке не так давно стало модно, хотя, по его мнению, если ты правша, всё – таки неудобно. Сам он часов не носил, предпочитая смотреть время по экрану смартфонов и мобильных телефонов, которых, в силу работы, было у него несколько. Мужчины, одетые в светлые рубашки с коротким рукавом, судя по их виду, вообще не испытывали неудобства из – за жары. Он проникся лёгкой завистью и, достав из кармана платок, обтёр лоб и лицо.

Он ни за что не прилетел бы сюда, если бы не обстоятельства. Он не мог поступить иначе. И даже сейчас, уехав от жены и сына, с которыми не расставался больше чем на два дня уже с десятков лет, сделав несколько шагов по крымской земле, поняв интуитивно, что здесь он чужой и ему будет очень тяжело, всё равно был уверен, что поступает правильно.

Пройдя через заполненный прилетевшими на отдых мужчинами, женщинами и детьми с пока ещё хорошим настроением, ожидающими свой багаж у змеевидной ленты, которая пришла в движение и оживила стоящих вокруг, зал терминала, он вышел на улицу, где в очередной раз чуть не был сбит с ног ударом жаркого сухого воздуха. Пот снова выступил на лице, глаза слепило. Ведь он даже не взял с собой солнцезащитные очки. Чем он думал, когда ехал в Крым?

– Маршруточка не дорого. Такси. Такси. Ялта, Алушта, Массандра, Судак, Новый Свет, – его сразу окружили мужчины, вращающие на своих указательных пальцах ключи от

машин. – Куда ехать? Недорого, – они заглядывали прямо ему в глаза, безошибочно определив приезжего.

– Спасибо, я уже на месте, – вяло бросил он на ходу, повернул направо и дошёл до пешеходного перехода между терминалами. Именно так вчера по телефону объяснял Алексей, сын его товарища, который должен был встретить его в аэропорту.

– Николай Николаевич? – спросил подошедший к нему слева молодой человек, лет двадцати, в тёмных очках, цветастых шортах, расстегнутой рубашке и выдавших виды кожаных шлёпанцах. Он внимательно рассмотрел парня, и только уловив в нём сходство с парнишкой двенадцатилетней давности, которого он помнил, ответил.

– Да.

– Здравствуйте, как долетели? – Алексей взял одну из сумок и рукой указал направление движения. – Моя машина там.

– Добрый день, Алексей. Спасибо, что встретил. Долетел нормально. Жарко тут очень.

– Вы бы ещё пальто надели. Как с севера, ей – богу.

– Да я, в принципе, оттуда и есть, – улыбнулся Николай Николаевич. Они уже дошли до машины. Чёрный блестящий «Mitsubishi Pajero» без труда принял весь багаж прилетевшего только что пассажира. – Ничего если я переоденусь?

– Без проблем. Это Крым. Здесь раздеваются и переодеваются там, где это удобно.

Он снял с себя пиджак и промокшую рубашку, достал из чемодана свежую сорочку с коротким рукавом, которую вчера уложил так, чтобы та не помялась. Рубашка всё равно немного примялась, но другого варианта верхней одежды у него не было. В принципе, можно было надеть шорты, майку, сандалии, и слиться с одетой подобным образом толпой отдыхающих, но его сегодня ещё ждала встреча с руководителем крымского управления Следственного Комитета России и, несмотря на то, что в настоящий момент он являлся частным лицом и не занимал какой – либо должности, заявиться на встречу с генералом в шортах, было бы неприлично.

Позавчера он уволился с работы. Со службы, которой отдал всё. Много лет назад, через несколько дней после вручения ему диплома о высшем образовании, он попал в прокуратуру, где добросовестно трудился следователем, а в феврале 2011 перешёл из прокуратуры в только что образованный Следственный Комитет своего родного Красноярска, но уже спустя год с небольшим «прыгнул» в краевой главк, где и работал до позавчера. Ему нужно было срочно перевестись в Крым, и не просто в Крым, а следователем СКР¹ по Азовскому району, но перевод по каким – то ему неизвестным причинам оказался невозможным, и он вынужден был уволиться. Друзья говорили, что он дурак, и что он ломает себе жизнь, что нельзя при такой работе пропускать случившееся через себя, и уж он – то за столько лет мог бы к этому привыкнуть, но он не привык и всё равно сделал так, как решил. Супруга его поддержала, что, наверное, и было переломным моментом в принятии такого трудного решения.

Годы, проведенные в следствии, не прошли даром. У него были друзья, у друзей тоже были друзья, а у друзей друзей, в свою очередь, друзья тоже имелись. Именно по такой нехитрой цепочке просьба принять и посодействовать Одинцову Николаю Николаевичу дошла до генерал – майора юстиции Птицына Дмитрия Филипповича, временно возглавляющего Следственный комитет в Крыму. Генерал ждал его сегодня в 15–00. До встречи оставалось немногим более пятидесяти минут.

– Успеем? – спросил Одинцов, устроившись на сидении, включая все свои телефоны.

– Успеем, – ответил Алексей, неспешно подруливая к шлагбауму, заграждающему выезд со стоянки.

¹ Следственный Комитет России

– Да, и кондиционер посильнее сделай, пожалуйста, – Николаю Николаевичу всё ещё было жарко.

– Конечно, – улыбнулся водитель и опустил температуру вдуваемого в салон воздуха до максимально низкой.

– Ты как в Крыму оказался? – проверив телефоны, спросил Одинцов молодого человека. Алексей был сыном его старинного приятеля, с которым он познакомился в университете. Отца Лёши звали Борисом, и учился тот на физико – математическом факультете на три курса старше Николая Николаевича. Когда Коля Одинцов получил ордер на заселение в общежитие, в комнату № 323, он ещё не знал, что судьба сведёт его с человеком, который всю жизнь будет где – то рядом, не вмешиваясь, не спасая, не делая добрых дел или подлостей, а просто где – то рядом, от чего на душе было уверенно и спокойно. Борис был старше его на пять лет, уже отслужил в армии и вот – вот должен был жениться. Когда Коля зашёл в комнату, Борис ел арбуз и громко слушал «Deep Purple» «Child in Time». «Хорошая музыка», – сказал тогда он, сам с удовольствием слушавший старый рок. Борис пожал ему руку, достал бутылку водки и отрезал большущий кусок арбуза. Через час они уже были друзьями, и эта дружба сохранилась на годы. Борис со временем стал бизнесменом, занимался строительством и имел несколько заводов по производству разных видов бетона. Его сына Лёшу Одинцов последний раз видел двенадцать лет назад, когда тот ходил во второй или третий класс школы. Борис развёлся с первой женой, и та с сыном уехала к матери в небольшой городок Московской области. Борис сына не бросал, помогал, как умел, и на восемнадцатилетие подарил машину. Николай Николаевич знал, что Алексей поступил в институт и учится где – то в столице.

– Я же в Москве учусь, в Университете Связи и Информатики. Сейчас каникулы. Вот с друзьями и рванули в Крым на машинах. Живём в палатках на берегу моря. Там никого нет и красота, знаете, такая... – он подбирал слова, – дикая, что ли, первозданная, – было видно, что Лёша в восторге от полуострова. – Папа позвонил, попросил Вас встретить и по Крыму покатать. И вот я здесь.

– Давно в Крыму?

– Уже восемь дней. Ещё три дня, и домой.

– Знаешь, где Следственный комитет в Симферополе?

– Пока Вас ждал, всё изучил. Не переживайте, доведу в лучшем виде, – Алексей нажал кнопку магнитофона и из динамиков полился мягкий джаз «Акустической алхимии». – Нормально? – поинтересовался водитель у пассажира.

– Отлично, – ответил Одинцов. Он любил хорошую музыку.

Глава вторая

Не так давно Красноярск потрясла череда почти одинаковых убийств.

На первое преступление, случившееся в конце августа, особого внимания никто не обратил. Убийство, как убийство. Тридцатитрёхлетнюю женщину, Галину Старову, разведенную, имеющую двоих детей, работавшую на ресепшене в большой старой гостинице города, нашли в номере 114 этой же гостиницы изнасилованной и задушенной обычной бельевой веревкой, той же самой, которой её руки и ноги были привязаны к металлическим спинкам кровати. Оставшийся неиспользованным моток валялся на полу. На столике почти пустая бутылка шампанского, фрукты в вазе. Бокалов или стаканов нет. Отпечатки пальцев в ванной, на бутылке, на ручке двери и столе отсутствуют. Следов насилия на теле эксперт не обнаружил, по всей видимости, привязывалась женщина добровольно. Одурманивающих веществ ей никто не давал. Со слов эксперта – медика женщину насиловали и душили одновременно. Спермы не обнаружено, половой контакт был в презервативе. Следов и зацепок, которые бы позволяли делать какие – то выводы, не было. Сняли кое – какие отпечатки со стен и дверей, нашли какие – то волоски, но всё это был хлам, а не доказательства. Сколько всякого мусора можно найти в гостиничном номере трапезной гостиницы промышленного города? Камер видеонаблюдения на этажах и в холле нет. Кто куда заходил, и кто откуда выходил установить практически невозможно.

Работала женщина в этой гостинице уже пять лет, по графику «сутки через двое» с постоянной напарницей, женщиной чуть старше. Около полуночи, когда работы уже не было, Старова сказала коллеге, что пойдет поспит в номере пару часиков, им разрешалось использовать номера 112 и 114 для отдыха. Старова ушла и не вернулась. Напарница думала, что та крепко уснула и будить не стала, зашла в номер уже под утро, где обнаружила труп и сразу вызвала полицию. Галина иногда принимала на работе гостей, мужчин, «любила она это дело, падка была на передок» – так охарактеризовала её администратор, но про то, что у неё в этот вечер должен был быть гость, Старова никому не обмолвилась. Проверили знакомых, соседей, постоянных любовников, персонал гостиницы, телефонные контакты в последнее время. Ничего. Ничего такого, что могло бы дать хоть какую – нибудь ниточку. Очевидно было только одно, что убийца был человеком для неё не чужим. Она не сопротивлялась, а напротив, хотела получить удовольствие.

Второе убийство произошло в декабре. В этот раз жертву обнаружили на съёмной квартире, в одной из тех, которые бабушки сдают посуточно на вокзале. Привязана к кровати взятыми в этой же квартире полотенцами, странгуляционная борозда другая – душили не верёвкой, а чем – то другим, потолще, смотанным тонким полотенцем или галстуком. Следов насилия, кроме удушья, на теле женщины эксперт не обнаружил. Половой контакт в презервативе. Женщина ничем не примечательная, тридцать пять, бухгалтер, приехала в Красноярск из Нижнего Ингаша в командировку с проектом годового отчёта в головное предприятие. Звали её Радулова Тамара. И снова ничего. Опять непонятные отпечатки, волоски и прочий хлам. Свидетелей – очевидцев нет. Волоски и отпечатки, правда, проверили, но совпадений с первым убийством не установили. Снова шампанское, фрукты. Стаканы тщательно вымыты. Убитые женщины знакомы между собой не были.

Хозяйка квартиры, старушка – пенсионерка, сказала, что Радулова снимает у неё квартиру на сутки не впервые. Два – три раза в год она приезжала в Красноярск и подходила к ней на вокзале. Тамара, со слов пенсионерки, была женщиной порядочной, после неё всё всегда оставалось чисто и ничего из квартиры не пропадало. В этот раз она снова подошла к ней на вокзале, отдала деньги и взяла ключи от квартиры, старушка с ней не пошла, доверяла. Договорились, что утром, уходя, Радулова дверь захлопнет, а ключи бросит в почто-

вый ящик, как всегда. Труп обнаружила хозяйка квартиры около десяти утра, когда пришла убирать и поменять постельное бельё с полотенцами. Контакты из телефона убитой не дали ничего, общалась она в последние сутки только с детьми, мужем и женщиной – бухгалтером из головного офиса.

Наличие мужчины, с которым бы Радулова постоянно встречалась в Красноярске, установить не удалось. То, что она пошла в квартиру заниматься любовью со случайным прохожим, встреченным по пути от вокзала до квартиры – маловероятно. Допрошенные свидетели утверждали, что Тамара была женщиной серьёзной и думающей. Увлечения у неё случались, но она быстро остывала и продолжала жить с ничего не подозревающим мужем. Оставалась только догадка, что убийца – попутчик Тамары из поезда. Этой версией занимались плотно. Ехала Радулова в вагоне «СВ», фирма, в которой она работала, на комфорте ценных своих сотрудников не экономила. По базе данных железной дороги Радулова должна была быть в купе одна, второй билет так и не был продан, но оперативники установили, что ехала она вдвоём с мужчиной. Этого мужчину видели, но подробного описания его внешности получить не удалось, люди если и смотрели на него, то смотрели мельком, не разглядывая, и особого внимания пассажиру не придавали. Проводник вагона, молодой человек с бегающими глазами и следами от оспы на лице, после доверительной длительной беседы, проведенной с ним в полиции, признался следователю, что в Канске в вагон зашёл мужчина без билета и спросил есть ли свободные места. Свободные места, как и желание немного заработать, имелись, и он подсел к мужчине к Радуловой, та не то, что не возражала, а даже, со слов молодого человека, обрадовалась возможности провести несколько часов до Красноярска с попутчиком. Возможный убийца, по описаниям проводника и пассажиров, ехавших в том же вагоне, был примерно тридцати пяти лет, роста среднего, телосложения худощавого, кожа гладкая. Описать черты его лица не смог никто. Сошлись на том, что каких – либо особых примет, родинок, шрамов, следов кожных заболеваний на лице не было. Небольшая лысина на темени – на это обстоятельство указали все, кто видел этого неизвестного мужчину.

Получается, что жертв маньяк выбирал случайно и бессистемно. Место его жительство тоже оставалось неизвестным, но сузилось до двух городов – Канска и Красноярска. Как и, главное, где его искать оставалось загадкой. Тщательная отработка магазинов мужчине, который бы покупал шампанское и фрукты в районе вокзала, не обнаружила. Просмотр камер видеонаблюдения, установленных на вокзале, тоже ничего следствию не дал.

Первые два трупа «прошли мимо» него. Он трудился в главке, а на места происшествий, как правило, выезжали следователи «с земли». Установив совпадения двух убийств, дела объединили и передали в краевое управление Следственного комитета, а именно следователю Одинцову. Николай Николаевич считался специалистом по расследованию убийств, и, надо сказать, эта работа ему нравилась. Она была честной. Он искал убийцу, человека, лишившего жизни другого человека, собирал доказательства и отправлял злодея в тюрьму. Экономические дела ему претили, половина дел была «заказная», когда руками Следственного комитета устраивались разборки в бизнес – элитах края, а другая половина не вызывала ничего кроме зевоты и желания поскорее это дело куда – нибудь «сбагрить». Детали первых убийств он изучал по протоколам и фотографиям, а на следующее уже выезжал сам.

Третье убийство датировано концом января. Сауна. Проститутка, двадцати четырех лет. Надежда Телевич. К кровати не привязана, но борозда на шее такая же, как и у второй жертвы, эксперт подтвердил, что половой акт закончился удушением. Здесь уже было что – то. Криминалисты нашли хороший отпечаток пальца на телефоне девушки, тщательно отрабатывались все контакты «ночной бабочки» и её постоянные клиенты, а особенно телефонные соединения её аппарата в последние сутки.

Клиентура у барышни была очень мощная, видимо, девушка умела что – то такое, что не всем под силу. Среди почитателей её таланта установили и молодых ребят – полицей-

ских, в основном из тех, кто борется с экономической преступностью, и чиновников краевого правительства, достаточно высокого уровня, удачливых бизнесменов средней руки, и даже нескольких помощников прокурора города. Людей рангом повыше допрашивал лично Одинцов, пониже – по его поручению сотрудники полиции.

Хозяин заведения показал, что сауну заказал по телефону около десяти утра мужской голос. Он, естественно, не представлялся, но сказал, что хочет попариться с друзьями с восьми вечера до полуночи. Около восьми пришёл мужчина, худой, роста среднего, возраст до сорока лет. Лица его хозяин не рассмотрел, на мужчине был пуховик с капюшоном и толстый шарф на шее, на улице всё – таки минус двадцать пять. Просил, чтобы ему не мешали, предупредил, что скоро подъедет знакомая. Девушка приехала через полчаса, он еёпустил. Как и когда ушёл мужчина хозяин не видел. Ровно в двенадцать он зашёл внутрь и обнаружил труп. Сразу же вызвал полицию.

Номер, с которого заказывали сауну, конечно же, «пробили». Пусто. Звонили с телефона – автомата. Напротив телефонной будки было кафе, и оперативники пытались выяснить, не видел ли кто из персонала мужчину, звонившего около десяти утра из будки. Опять пусто. Никто этого мужчину не видел.

По крайней мере, ясно стало ещё одно обстоятельство. Искать убийцу следует именно в Красноярске.

Его нашли по номеру телефона. Звали его Михаилом, ему было тридцать шесть, а фамилия у него была Борщ. Работал он продавцом в салоне сотовой связи и иногда «заказывал» погибшую девушку. Михаил находился под наблюдением врача – психиатра, восемнадцать лет назад он попал в «психушку» с нервным расстройством на почве неразделенной любви. Отпечаток пальца на телефоне девушки был его отпечатком. Он подходил под описание убийцы из поезда и из сауны, правда его никто достоверно не опознал, но так бывает, видевшие убийцу люди, глядя на его фотографию, говорили, что этот немного похож, но они не уверены. Небольшая лысина на темени у подозреваемого имелась. Если бы им показать его живую... , но такой возможности уже не было. С подозреваемым работали, и он сознался в трёх убийствах. Николай Николаевич его допрашивал сам, и тот в присутствии адвоката, опустив глаза в пол, рассказал о трёх совершенных им преступлениях. Рассказ был не очень подробным и путанным в деталях, Борщ никак не мог объяснить зачем он ездил в Канск и не мог вспомнить, как звали женщину из гостиницы, но Одинцов тогда этому значения не придавал, полагал, что ещё успеет поработать с подозреваемым в менее нервной обстановке, за что корил себя по сегодняшний день. Михаил задушил себя в камере, сделав веревку из надетой футболки, привязав её конец к ножке кровати, набросив на шею петлю, и катался по полу до тех пор, пока удавка не заберет из него остатки жизни.

Убийства в Красноярске прекратились.

В начале мая, когда сошёл снег, обнаружили четвёртую жертву «душителя», совсем молодую девчущку, ей было семнадцать. В лесополосе, под обочиной трассы, ведущей в Красноярск с юга. Личность установили по отпечаткам пальцев, девушка имела приводы в полицию. Студентка ПТУ, воспитанница детдома. Юлия Борзова. Без друзей, родителей и близких родственников. Точно такое же удушье чем – то мягким и крепким, по всей видимости, галстуком, во время полового акта. В снег выбрасывали уже труп. Время смерти, предположительно, первые числа ноября прошлого года. Информации, полезной для расследования, на этом месте происшествия не было вообще. Юлия училась на маляра и проходила производственную практику на строительном объекте на юге города, жила в общежитии в Красноярске, до работы доезжала на автобусе, с работы, как правило, автостопом, установили точную дату, когда пропала девушка, но это уже особо никого не интересовало. Дело объединили с тремя предыдущими и также прекратили в связи со смертью обвиняемого.

Глава третья

Большой джип с трудом припарковался на узкой улице в центре Симферополя, где в небольшом двухэтажном здании располагался крымский главк Следственного комитета России.

– Я Вас подожду, а потом отвезу куда надо, – сказал Алексей Одинцову, когда тот собрался выходить из машины.

– Хорошо, – рассеянно ответил тот, глубоко погружённый в собственные мысли.

Дежуривший на посту молодой полицейский связался с приёмной руководителя и, записав данные Одинцова в специальном журнале, проводил его на второй этаж. Ждать Николаю Николаевичу не пришлось вовсе, его сразу пригласила пройти в кабинет достаточно милая молодая девушка в строгом бежевом костюме.

Птицын, грузный невысокий мужик предпенсионного возраста, с густыми и когда – то тёмными, а теперь наполовину седыми, усами и отдышкой, его принял тепло, встал, пожал руку, усадил за стол, сам сел напротив, предложил чай или кофе. Николай Николаевич попросил холодной воды.

– Наденька, – перегнувшись через стол и нажав кнопку на аппарате, сказал Дмитрий Филиппович.

– Да, – ответил динамик обаятельным молодым голосом. «Надежда», – подумал Одинцов, – «имя одинаковое, возраст примерно тоже, а судьба разная».

– Принесите два стаканчика водички похолодней, пожалуйста.

– Хорошо, Дмитрий Филиппович, минутку.

– Жарко очень, не привык ещё, – сказал Одинцов, чтобы как – то заполнить неловкую паузу.

– Да уж. У нас тепло. – Птицын, не так давно приехавший на полуостров из Мурманской области, уже считал Крым своим, и возвращаться назад не собирался, намереваясь обзавестись до пенсии жильём у моря, поэтому он абсолютно искренне сказал «у нас».

Незаметно вошедшая в кабинет секретарь аккуратно поставила между мужчинами поднос с двумя стаканами воды, в которых плавали прозрачные кубики льда, и так же бесшумно удалилась, плотно прикрыв за собой дверь.

– Что привело вас в Крым, полковник? – начал разговор Птицын. – Вы работали в неплохой должности, нареканий на вашу работу не поступало. Всю жизнь в Красноярске, а тут, бац, в два дня бросили всё и в Крым примчались. И, насколько я понял из разговора с нашим общим знакомым, Вы хотите попасть простым следователем в Азовский район.

– Да, – коротко ответил Николай Николаевич.

– Вы знаете, что такое Азовский район? Это жопа мира, я извиняюсь за выражение. Там, как поётся в песне, птицы не поют и деревья не растут. Там только степь и море.

– Мне всё равно, Дмитрий Филиппович. Я приехал сюда с конкретной целью, и, если у меня всё получится, вернее, когда у меня всё получится, я уеду обратно, – Одинцов закашлялся и отпил из стакана ледяной воды. Стало легче.

– Можете поподробней рассказать о причинах, побудивших Вас так резко сменить обстановку? – генерал тоже глотнул воды из стакана.

– Да. Это не секрет. – Николай Николаевич взял паузу, обдумывая как бы сделать свой рассказ покороче. – Примерно год назад в Красноярске начались серийные убийства женщин. Всего было четыре случая. Убийца привязывал их к кровати и душил верёвкой или галстуком, одновременно насилуя, заканчивая половой акт, видимо, в тот момент, когда жертва умирала. У нас был подозреваемый, но он покончил жизнь самоубийством в камере. Дело прекратили, да и убийства прекратились, но...

– Можете не продолжать, – перебил его Птицын, – я всё понял. Четыре дня назад в частном отеле в Азовском районе нашли задушенную женщину с такими же признаками. Вы хотите убедиться, что всё сделали правильно, и это не тот же человек, что и в Красноярске, я Вас правильно понял? – Одинцов кивнул, а генерал продолжил, – Вам сопутствует удача, Николай Николаевич. В Азовском районе, по штату, два следователя и одно место на сегодняшний день вакантно. Вы хотите, чтобы я Вас назначил на эту должность?

– Если это возможно.

– Возможно. Но у меня есть несколько условий.

– Да, – Одинцов смотрел на генерала, не отрываясь, но в серых, зарывшихся в густых бровях и белёсых ресницах глазах Дмитрия Филипповича прочесть что – либо было решительно невозможно.

– Условие первое. Вы назначаетесь простым следователем и занимаетесь не только делом, которое Вам интересно, но и всей остальной работой, без каких – либо поблажек и привилегий. – Птицын сделал театральную паузу и загнул мизинец на правой руке, Одинцов молчал. – Условие второе. Даже если азовский убийца и ваш, краевой душитель, это разные люди, Вы мне должны пообещать, что не уедете отсюда, не поймав нашего душегуба, – безымянный палец правой руки тоже оказался загнутым. – Условие третье. Вы расследуете дело, никак не связывая его официально со своим красноярским. Это абсолютно другое дело, единичное убийство, совершенное в другом субъекте федерации. Незачем поднимать шум из ничего. Даже если будут основания полагать, что убийства совершены одним человеком, Вы не будете это афишировать, не посоветовавшись со мной. Ну, и условие последнее, – все загнутые до этого пальцы разогнулись, и правая рука генерала легла стол ладонью вниз, – Вы будете держать меня в курсе расследования.

– Согласен. Вы отдаете мне дело об азовском убийстве?

– Разумеется, – Дмитрий Филиппович улыбнулся. Он был доволен. Он только что заполнил «висящую» вакансию в депрессивном сельском районе, куда никто не хочет идти работать, следователем – ассом, целым полковником юстиции. Хочет ковыряться в убийстве и сравнивать его со своими сибирскими, пожалуйста, на здоровье, главное, чтобы работу работал и рутину всю на себя взял, а то молодой, который там единственный, зашился уже. – Когда Вы хотите приступить к работе?

– Сегодня.

– Сегодня не получится, полковник. Даже при всём уважении. Бумаги, приказы... Сами понимаете. – Он пододвинул к Одинцову лист бумаги и ручку. – Пишите заявление о приеме на работу. Послезавтра можете приступать. – Дождавшись пока Николай Николаевич закончит писать, генерал спросил, – есть где остановиться? Может, помощь какая с моей стороны нужна?

– Спасибо. Вы мне и так уже очень помогли. С остальным сам разберусь, не маленький, – Одинцов встал из – за стола.

Птицын тоже поднялся, пожал руку и протянул визитку.

– Здесь все мои телефоны. Звоните. Не стесняйтесь.

– Спасибо. До свидания.

– До встречи, – генерал проводил Одинцова до выхода из кабинета и закрыл за ним дверь.

Выйдя на улицу, Николай Николаевич долго искал глазами чёрный джип, не мог вспомнить, где был припаркован автомобиль, когда он выходил из него. Наконец, обнаружив машину, Одинцов направился к ней.

– Есть хочешь? – спросил он Алексея, открывая пассажирскую дверь.

– Хочу, но не очень, – отозвался молодой человек, зевая. Он задремал, ожидая следователя, и его разбудил звук открывающейся дверцы. – Как встреча? – спросил он, протирая глаза.

– Нормально. Мне в Азовск нужно. Там меня и оставишь. Знаешь где это?

– Конечно. Мы в Азовском районе с палатками стоим.

– Тогда поехали. – Одинцов пристегнулся. Он всегда пристёгивался, даже будучи пассажиром. Несколько лет назад он попал в ДТП, и ремень безопасности, он был в этом уверен, позволил остаться нормальным человеком, а не инвалидом на всю жизнь. Он даже не задумывался над этим, руки сами делали то, что было нужно. – По дороге есть какое –нибудь место, где поесть нормально можно?

– Есть. Есть такое место, – переиначив знаменитую фразу, приписываемую устам Владимира Ильича Ленина, Алексей нажал педаль газа.

Судя по дисплею аудиосистемы, играло радио и из колонок автомобиля послышалось бодрое начало «Героя асфальта» в исполнении группы «Ария». Николай Николаевич сделал музыку громче.

– Сто лет не слышал этой песни, – сказал он Алексею. – Какая радиостанция?

– Не знаю, местная какая – то, – отозвался водитель.

– Давай, наступай на педаль – то. Под эту музыку нельзя ездить медленно.

– Есть, шеф, – Лёша улыбнулся, надел очки и взялся за руль двумя руками.

Глава четвёртая

Четыре дня назад произошло то, что взорвало его спокойную, налаженную и состоявшуюся во всех аспектах жизнь в родном городе и крае, где он знал всех, и все знали его, где бытовые вопросы решались одним телефонным звонком, где дома всегда ждал тёплый ужин, мягкая чистая постель и любимая семья. Его знакомый из Красноярска, недавно переехавший в Крым, и работавший заместителем председателя Азовской районной администрации, позвонил ночью, не очень озаботившись часовыми поясами, и сказал, что в одном из частных маленьких отелей на берегу Азовского моря нашли молодую женщину, привязанную к кровати, изнасилованную и задушенную. Он полагал, что Одинцову это может быть интересно.

После этого Николай Николаевич спать уже не мог. Он пытался вспомнить всё, что было связано с тем делом. Еле – еле он дождался утра и, не сказав ни слова ничего не понимающей жене, выехал на работу. Там он поднял из архива прекращенное дело и снова стал перечитывать его, вспоминая до мелочей допросы подозреваемого. К вечеру он был почти уверен в том, что Миша Борщ никого не убивал.

Он говорил ему на самом первом допросе, сразу после задержания, что вызвал Надю как всегда по телефону на полшестого вечера к себе домой, та приехала и обслужила его, он с ней расплатился, и девушка собралась уходить. Миша хотел её задержать ещё немного, но Наде кто – то позвонил, он вырвал телефон у неё из руки и сказал, что не отдаст, если та не останется с ним ещё на час. Девушка согласилась на полчаса, забрала телефон, вышла на кухню и о чём – то с кем – то разговаривала, он не слышал. Потом вернулась, сходила с ним вместе в душ, где у них ещё раз был секс, потом оделась и ушла, и больше он её в тот день не видел. Доказать нахождение девушки в своей квартире Михаил не смог. Он выкинул презервативы и постирал бельё с кровати. Сауна, в которой нашли убитую и квартира обвиняемого находились в одном микрорайоне и эта территория обслуживались одной передающей вышкой, поэтому достоверно установить места звонков и места нахождения абонентов во время телефонного разговора не представилось возможным.

Но показания Борща объективно стыковались с доказательствами по делу. Звонил он Надежде ровно в четыре. То, что он вырвал телефон у неё из рук, объясняло отпечаток его пальца на крышке аппарата. И действительно, примерно за два часа до её приезда в сауну, в 18.34, на телефон девушки поступил звонок от абонента с определённым номером, и она с ним разговаривала сорок три секунды. Этот номер был зарегистрирован на Духанина Евгения Яковлевича, 1926 года рождения. Дедушку допросили, и он показал, что потерял телефон примерно полгода назад, в полицию не обращался, а сын ему купил новый. С телефона Духанина Надежде звонили трижды. Первый раз – в сентябре, второй раз – в октябре и третий раз тогда, в конце января. За последние пять месяцев этим телефоном пользовались одиннадцать раз. Все звонки проституткам. Двух девочек установили и допросили, те показали, что не сохраняют номера клиентов и утверждать, кто именно им звонил с этого номера, не могут. На вопрос Одинцова были ли у них клиенты, которые бы привязывали их во время секса к кровати, «бабочки» уверенно ответили, что таких клиентов у них не было. Лысоватых мужиков в возрасте от тридцати до сорока было хоть пруд пруди, но девушки знали некоторых только по именам, скорее всего ненастоящим, поэтому даже эта, полезная на первый взгляд, информация результата не принесла.

На этот номер пытались позвонить. Абонент, естественно, был недоступен. Но интересным было ещё одно обстоятельство. Все звонки с «духанинского» телефона исходили из Советского района города, а семь из одиннадцати – из Северного микрорайона. Тогда этому обстоятельству значения никто не придавал. Одинцов позволил себя убедить, что это какой – нибудь приличный семьянин, не имеющий отношения к делу, нашёл дедушкин телефон

и периодически использует его для вызова девочек. В конце концов, допрошенные проститутки, оказывавшие услуги обладателю этого номера, живы и никакие «клиенты со странностями» с этим номером не увязываются. Клиент с ветеранским телефоном тоже хотел заказать себе девочку, но та, поговорив с ним, отказалась, так как вечер у неё уже был занят. Сауну заказал Борщ утром из телефона – автомата, домой он девушку не приглашал, на первом допросе Миша соврал, боясь ответственности, а сразу пригласил её в сауну к полдвятому вечера. Такой же ход развития событий озвучил и сам обвиняемый в своих «признательных» показаниях.

Остальные звонки погибшей, как входящие, так и исходящие, были тоже проверены, но ничего доказательственного там не обнаружено. Вызывали оперативный интерес только звонки Борща и неизвестного, звонящего с утерянного телефона старика Духанина.

Одинцов встретился с опером полицейского краевого главка Ваней Сидоровым, по прозвищу «Лом». Иван был высоким, крепким и чересчур исполнительным служакой с огромными кулачищами. В течение уже пятнадцати лет он работал в отделе по расследованию убийств и находился на хорошем счету. Его методы были всем известны. Но они давали результат, и Ивана никто не трогал, штампуя «отказные» по факту применения им недозволенных методов ведения следствия. Он с одного удара ломал подозреваемым ребра или выбивал зубы, а также без следов «обрабатывал» почки «клиента». Но его любимым занятием было подвешивание человека, запястья которого схвачены наручниками за спиной, на лом, продетый между рук и положенный на крыши двух старых больших металлических сейфов, за что он, в принципе, и получил своё прозвище. Это было действительно больно, плечевые суставы выворачивались наизнанку и человек был готов признаться в чём угодно, лишь бы это издевательство прекратилось.

Сидоров абсолютно спокойно рассказал следователю, что «работал» с Борщом как всегда. Бил по почкам, на лом подвешивал, а ещё одевал ему противогаз и не давал дышать. Сопrotивлялся подозреваемый долго, но когда опер сказал, что Борща сейчас отправят в камеру, в которой по его просьбе Мишу сделают «петухом» не дожидаясь суда, тот сник. «Лом» пообещал, что в случае признания вины, сидеть тот будет в одиночной камере, и относиться к нему будут по – человечески. Это Сидоров «напомнил» ему обстоятельства убийств трёх женщин, «напомнил» их имена и даты преступлений, выбил признание насчет заказа сауны утром из телефона – автомата. В этот же день, примерно через час после «Лома», Борщ давал признательные показания Одинцову. Это было только один раз. На следующий день Михаил покончил жизнь самоубийством.

Ещё раз изучив судебное – медицинское заключение по результатам вскрытия трупа Борща, Одинцов убедился, что Ваня «Лом» ему не соврал, на теле погибшего действительно имелись синяки и кровоподтёки, характерные для «работы» Сидорова.

Итак, обвиняемый сознался под пытками, что, в принципе, неудивительно. Про четвертую жертву он не сказал ни слова, потому что не знал о ней ничего ни он, ни «Лом». Если Борщ действительно говорил правду, то убийцей мог быть только тот, кто звонил проститутке Надежде с телефонного номера, оформленного на пенсионера Духанина.

И этот убийца – мужчина, возрастом от тридцати до сорока лет, среднего роста, худощавый, с небольшой лысиной на темечке, умеющий общаться с женщинами, умный, знающий, что его ищут и старающийся не оставлять следов своей мерзкой деятельностью, живет или работает в Северном микрорайоне Советского района Красноярска. Где ты сейчас, сволочь?

А сейчас он, возможно, в Крыму? Что он там делает? Приехал на отдых с семьей или переехал на постоянное место жительства? Греет задницу под тёплым южным солнцем или готовится совершить очередное грязное убийство? Где его искать? Если по – хорошему, то надо проверить все рейсы из Красноярска в Симферополь за февраль – август, отобрать

мужчин от тридцати до сорока лет, из них выбрать мужчин, подходящих по росту, комплекции и описанию, потом отсортировать мужчин работающих или живущих в Северном микрорайоне, отработать их на предмет времяпровождения в Крыму, проверить их алиби в дни красноярских убийств, Это нереально. Такое возможно только в американских фильмах. Для этого нужна целая армия оперативников и время. У него нет ни того, ни другого. Официально дело прекращено, и возобновлять его ему никто не даст. Он даже уже не работник СКР по Красноярскому краю, он обычный следователь в сельском богом забытом районе Крыма, где хорошо если есть Интернет.

А Миша Борщ виновен только в том, что вызывал домой проститутку. К убийствам женщин он не имеет никакого отношения. А к его смерти причастен он, следователь Одинцов Николай Николаевич. Он должен был, обязан был понять, что за человек сидит перед ним. А он не разглядел. Именно из – за него Миша Борщ, безбидный продавец мобильных телефонов, корчился в камере от удушья в ожидании того, как его покинет сознание. Он сможет с этим жить?

Глава пятая

Устроился Одинцов на новом месте достаточно сносно.

Единственный человек, которого он знал в Азовске, был Роман Сергеевич Пилявский, тот самый который разбудил его ночью и сказал то, что в конечном итоге привело его сюда. Когда они познакомились, Роман Сергеевич, среднего роста и средней комплекции лысеющий мужчина, тридцати восьми лет, с большими красивыми глазами, обрамленными густыми и длинными ресницами, и прижатыми к голове «борцовскими» ушами, позволяющими безошибочно определить в чиновнике бывшего спортсмена, работал начальником жилищно – квартирному управлению городской администрации Красноярска и, надо сказать, немало поспособствовал в получении Николаем Николаевичем отдельной трёхкомнатной квартиры в пешей доступности ко всем социально – значимым объектам города. Они несколько раз обедали и ужинали вместе, имели общих знакомых.

Роман Сергеевич, юрист по образованию, по всей видимости, занимался не своим делом. Его тянуло в следствие и оперативную работу, он мечтал, как будет раскрывать преступления и ловить злодеев, но жизнь забросила его в тёплый кабинет за стол, заваленный целой горой различных инструкций, ордеров, решений, приказов и распоряжений, из – под которых он не мог выбраться вот уже шестнадцать лет. Во время их редких встреч Пилявский живо интересовался расследованием преступлений вообще и поиском «красноярского душиателя», о котором уже успели раструбить местные газеты, в частности. Поэтому ничего удивительного в том, что Пилявский позвонил Одинцову и рассказал о похожем убийстве, не было.

Он одним из первых отозвался на клич «Кто на Крым?», который прозвучал практически во всех субъектах нашей необъятной Родины. И уехал вовремя. После отъезда в возглавляемом им управлении начались проверки и ревизии, которые, как это обычно и случается, выявили многочисленные нарушения, но уехавших в Крым решили не трогать, поэтому все его злоупотребления на прежнем месте «сошли с рук». Должность ему предложили новую и интересную – заместитель председателя районной администрации у моря. Он согласился моментально и переехал в Крым, в отличие от многих других чиновников, сорвавшихся на юг, сразу продав квартиру в Красноярске и купив дом на набережной в Азовске.

К нему – то Николай Николаевич и нанес свой первый визит. Роман Сергеевич, блестя гладко выбритым лысым черепом, земляка принял радушно, оставил ночевать у себя, и, решив попотчевать товарища крымской кухней, заказал из татарского ресторана, расположенного недалеко от дома, плов, манты, люля – кебаб и зеленый чай с парвардой.

– Почему один? – спросил Николай Николаевич, когда обычные для не видевших друг друга долгое время приятелей вопросы были обсуждены. Он знал, что Роман Сергеевич женат. Своих детей у него не было, но он очень хорошо относился к детям жены от первого брака, мальчикам – близнецам.

– Потому что один, – опустив глаза в тарелку, в которой лежали уже остывшие плов и палочка люля – кебаба, ответил собеседник. – Свинтила она, Коля. Мужика себе нашла нового и в столицу уехала, детей забрала. Я ещё летом увидел, что что – то происходит, когда она в отпуск со мной ехать отказалась. Меня в Турцию одного отправила, детей – к бабушке в деревню, а сама осталась в Красноярске. Не звонила ни разу. Когда я вернулся, она другой стала, расцвела, улыбается, но меня к себе не подпускает. Я пытался с ней поговорить, она ни в какую. Мучились мы так почти до Нового Года, а в конце декабря она взяла и уехала. Вот так.

– Поэтому ты сюда переехал?

– Да. Что мне там делать? Никого нет. Родителей похоронил, семья распалась. Может здесь что –нибудь получится. А почему нет, а?

– Да, да. Ты абсолютно прав, – попытался поддержать земляка Одинцов, но разговор после этого уже не клеился, и они разошлись спать.

На следующий день Роман Сергеевич поселил товарища в пансионате «Приазовье». Он, конечно же, предложил Одинцову пожить у него, но тот, как и предполагал Пилявский, отказался. Пансионат был старый, ещё советской постройки, и давно не видел ремонта, но номер, который отвели Одинцову, был приличный, с собственным туалетом и душем, в который с шести до девяти часов утром и вечером подавалась горячая вода. И, о чудо, в холле пансионата был Wi – Fi.

Остаток дня Одинцов раскладывал вещи, общался с семьей по «Skype» и купался в море. Он первый раз в жизни видел Азовское море, и оно его удивило. Вода была беспокойная и зеленоватая – мутная, совсем не такая солёная, как в морях, в которые он имел возможность окунуть своё тело, но больше всего его поразил пологий песчаный берег, чересчур плавно уходящий под толщу воды. Зайдя в море и отойдя метров на пятьдесят, Николай Николаевич опустил голову вниз и посмотрел на волны, которые бились об его колени. Он прошёл ещё метров пятьдесят и с удивлением обнаружил, что вода только – только замочила его плавки. Он уже устал идти, берег отдалялся всё дальше и дальше, но он ещё не дошёл до глубины, позволяющей нормально поплавать.

Жара была невыносимой, а температура воды приближалась к тридцати градусам. Удовольствия от купания в таком море Одинцов не получил и решил попробовать ещё раз завтра. На рассвете. Может быть, в это время суток будет поприятнее.

* * *

Знакомство с молодым коллегой, высоким крепким и ушастым веснушчатым парнем в очках, лет двадцати пяти, недавно приехавшим в Крым из Костромы, прошло быстро и по – деловому. Одинцов, на правах старшего, забрал в своё производство дело об убийстве Ларисы Белой, так звали женщину, задушенную в номере небольшого отеля под само за себя говорящим названием «У моря», а также все «живые»² дела об убийствах которые были свалены на молодые неокрепшие плечи Саши Рязанцева.

– Николай Николаевич, – чуть освоившись в присутствии полковника, начал разговор молодой человек. Случилось это уже ближе к вечеру. – А зачем Вам это нужно?

– Что именно, Александр? – Одинцов оторвался от дела, которое поскорее хотел изучить и составить хоть какое – то мнение о нём. Остаться наедине с делом не получалось. Все знали, что в район приехал новый следователь Следственного комитета, полковник, и многие считали своим долгом прийти познакомиться лично, взять телефон и оставить свои координаты. Так за первый день работы он познакомился с руководящим составом полиции и прокуратуры района, а также районной администрации, но в суд и в управление ФСБ решил сходить лично, представился, взял и, в свою очередь оставил, контактные телефоны.

– Зачем Вы из красноярского главка в этот «Мухосранск» приехали?

– Давай с тебя начнем. А ты зачем? – Николай Николаевич перехватил инициативу в разговоре.

– Дурак. Молодой очень и заносчивый. Думал, горы сворочу, героем целины стану. И что в итоге? – Рязанцев, видимо ждал реакции Одинцова на риторический вопрос, но её не последовало, тогда молодой следователь продолжил. – Там у меня зарплата была на

² «Живое» дело – дело по которому установлено и задержано лицо, совершившее преступление (профессиональный жаргон)

тридцать тысяч больше, квартира собственная и мама, которая кушать готовила, а здесь цены московские, квартиру снимаю, как курортник, и ем «Доширак».

– Уезжай назад, – спокойно сказал полковник.

– Хер там, – старший лейтенант юстиции вспыхнул, тема задела его за живое. – Не берут. Говорят, что здесь работать некому. Только через увольнение. Но «обрадовали», что заново устроиться на работу, на ту же должность, с которой уходил, практически невозможно. Вот и сижу тут. Хорошо ещё, что Вы приехали. Ещё чуть – чуть один бы поработал, точно бы уволился, о последствиях бы не думал.

– Я думаю, что сейчас полегче будет, – примирительно сказал Одинцов, погасив вспышку молодого коллеги и оставив без ответа вопрос, с которого, собственно, разговор и начался. Раскрывать причину своего пребывания здесь, в тысячах километров от дома, он не хотел. Возможно, со временем. Но пока нет. – Давай мы с тобой так пока решим. Я забираю себе всё, что связано с чистым криминалом, в том числе и малолеток³, а ты берёшь на себя экономику, должностные преступления и всё, что связано с делами в отношении работников правоохранительных органов. Это пока. Там посмотрим по нагрузке. Если будет несправедливо, обсудим. Договорились?

– А давайте, – Александр встал, подошёл к сейфу, вытащил оттуда четыре связки дел и перенес их на стол к Одинцову.

– Это что?

– Это, Николай Николаевич, нераскрытые убийства и разбои прошлых лет. Чистый криминал, как Вы и предлагали, – Рязанцев отвернулся, но его выдали щёки, уж очень широко он расплылся в улыбке, так, что его мимика была заметна даже со спины.

– О кей, – Одинцов понял, что дал маху, но отступить было некуда. Он убрал четыре связки дел в свой сейф. – А пойдём – ка, Саша, скушаем что –нибудь. Заодно ты мне места покажешь, где вероятность пищевого отравления минимальна, – Николай Николаевич хотел узнать молодого коллегу поближе, чтобы снова не попасть впросак, как только что, да и кто, кроме коллеги, даст первичную информацию о городке и его обитателях, а также о деле, которое его интересовало в первую очередь, ведь именно Рязанцев, осматривал место происшествия и почти неделю дело находилось именно в его производстве.

– Пойдемте, – радостно отозвался старший лейтенант, быстро убирая дела в сейф. – Место одно покажу. Думаю, Вам понравится.

³ Согласно УПК РФ дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных несовершеннолетними, расследуются следователями Следственного комитета

Глава шестая

– Андрюша, милый, ты не отвезешь Полиночку на танцы сегодня, – Виктория подошла сзади и поцеловала мужа в шею. Он стоял перед зеркалом и завязывал галстук. «Андрюша, милый», поцелуй и нормальная интонация в голосе. Такого не было уже давно. «Что случилось?» Он внимательно разглядывал жену в зеркало, а она, улыбнувшись, упорхнула, ласково и незаметно проведя рукой по его спине. «Неужели вчерашний секс разбудил в ней что – то?». «Вряд ли», – ответил он сам себе. «Наверное, ей очень нужно с четырёх до шести с кем – то встретиться, и что б я ей не помешал». О том, что у его жены были, есть и будут любовники, он знал, его это злило и раздражало, но сделать с этим что –нибудь он не мог. Пока. Хорошо ещё, что она не гуляла в открытую. Азовск, хоть и райцентр, городок маленький. Если кто – то что – то узнаёт, то это уже навсегда. Не отмоешься, как ни старайся.

– Я что –нибудь придумаю, – ответил он супруге, одевая пиджак.

– Спасибо, любимый, – донеслось до него уже из ванной комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.